

пребывание в Риме имело для Феофана решающее значение. Дело же здесь в том, что Прокопович смог там наблюдать зарождение католического Просвещения и стал свидетелем кризиса схоластики.

И то, и другое нуждается в объяснении.⁴ Во второй половине XVII в., в связи с зарождением католического Просвещения, в Риме намечается тенденция к пересмотру догматов католической церкви. Укажем хотя бы на такую фигуру, как кардинал Норис — выходец из Августинского ордена.

С этим процессом был тесно связан и кризис схоластики. Новое мышление прокладывало себе путь; новое миропонимание — классическую физику — уже нельзя было примирить с физикой Аристотеля, которая составляла основу схоластики. Схоластическая философия, в свою очередь, была основой схоластической теологии. Поэтому-то за нее так упорно держались церковники. Но противоречие между современным мышлением и схоластикой не ускользнуло и от самих учителей-схоластов. В Collegium Romanum, где Феофан Прокопович слушал курс теологии, философию преподавал И. Б. Толмай (Птоломей). В 1694 г., т. е. незадолго до приезда Прокоповича в Рим, — он издал там философский трактат «*Philosophia mentis et sensum*», в котором пытался перекинуть мостик между схоластикой и современным мышлением. Хотя это ему и не удалось, уже сама попытка вызвала интерес, и в 1698 г. его трактат был издан в Аугсбурге. То доверие к схоластике, с которым Прокопович приехал в Рим, было здесь подорвано.

Он и раньше читал немало книг, в которых критиковалось ортодоксальное богословие, читал даже Лютера, как он сам сообщает об этом немецкому пиетисту Шааршмидту в Киеве в 1703 г. Особенно много занимался он классической физикой и астрономией и, конечно, прилежно изучал математику. А возвращаясь из Рима через Германию в Россию, он как бы шел по стопам раннего Просвещения.

Поэтому не удивительно, что Прокопович вернулся в Россию другим человеком. В Риме он не влюбил иезуитов, которые хотя и поняли шаткость позиций схоластики, но все же отстаивали их со страстным упорством. Как ни восхищался он блестящими достижениями иезуитов, достижениями, которыми сам постоянно пользовался (например, «Поэтикой» Понтапуса),⁵ он все же решительно отвергал иезуитскую схоластику.

Как раз в своих лекциях по поэтике, которые он читал в 1705—1706 гг. в Киево-Могилянской академии, он ставит в один ряд иезуитов и схоластику и резко полемизирует с ними.

⁴ В еще неизданной работе «*Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa*» (выйдет в Берлине в 1966 г.) я рассматриваю основные черты этого явления.

⁵ Pontapusa. Poeticarum, libri III. Ingolstadt, 1594.